

Е. А. Долгова

О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн*

Биография — причудливый историографический жанр, позволяющий раскрыть преломление индивидуальных жизненных траекторий в типовых исторических обстоятельствах. Примером подобной биографии является судьба одного из сталинских управленцев — Ефима Абрамовича Мильштейна (1902–1989). В разные годы он был (если опустить многие параллельные занятия и поручения) слушателем Института красной профессуры (далее — ИКП) (1929–1932), заместителем директора и исполняющим обязанности директора отраслевого ИКП Истории (1932–1934), первым секретарем Горкома ВПК(б) в Махачкале (1934–1936), директором Государственного музея этнографии (1937–1941, 1944–1953), старшим редактором Отдела каталогов (1953–1955), руководителем группы социально-экономической литературы (1955–1969) Государственной публичной библиотеки и, наконец, пенсионером союзного значения (1969–1989). Биография Е. А. Мильштейна, с одной стороны, схематично похожа на судьбы других представителей партийной элиты в 1930–1940-е гг., а с другой — демонстрирует специфику его личного отклика на сложный период отечественной истории 1929–1953 гг.

«Красный профессор» Ефим Мильштейн: от слушателя до и. о. директора. В Институте Красной профессуры 27-летний Ефим Мильштейн оказался в 1929 г. Для

*Долгова
Евгения Андреевна*
кандидат
исторических наук,
доцент, Российский
государственный
гуманитарный
университет
(Москва, Россия)

поступления у него имелись все необходимые характеристики: партийный стаж с 1920 г. и направление Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. В анкете было зафиксировано его социальное происхождение из рабочих, стаж работы наборщиком в типографии родного города Ачинска до 1922 г., служба военным комиссаром при штабе 5-й армии в годы Гражданской войны, окончание Факультета общественных наук Первого МГУ в 1926 г. и работа в Московском губернском совете профессиональных союзов с 1923 г.¹ В личном деле указывалось и подлинное имя Мильштейна, которое он никогда не использовал, — Эфраим².

Получив в приемной комиссии ИКП распределение на отделение истории народов СССР и истории пролетариата, Е. А. Мильштейн на протяжении всего обучения показывал хорошую успеваемость, демонстрировал способности в изучении иностранных языков (английского) и, хотя, по замечанию первого ректора ИКП и руководителя историографического семинара М. Н. Покровского, иногда «поддавался влиянию буржуазной литературы», оказался вполне пригоден к научно-исследовательской работе³. Сохранился отзыв на квалификационную работу Е. А. Мильштейна «Политические течения в российском профессиональном движении в 1905–1907 гг.» историка Анны Михайловны Панкратовой; в нем отмечалось, что хотя автором «не привлечен весь архивный материал, особенно иногородний», однако «в оценках и характеристиках он исходит из правильных исторических и теоретических положений, а фактическая сторона им еще будет доработана в последующем»⁴. На первом году обучения Е. А. Мильштейн вел академическую работу под руководством специалиста по истории русской общественной мысли и культуры XIX — начала XX в. С. С. Дмитриева, на втором — в 1931/32 учебном году — М. Н. Покровского. Как отмечалось в характеристике, на момент выпуска из Института красной профессуры Ефим Мильштейн имел научные публикации⁵.

Научный руководитель Мильштейна М. Н. Покровский скончался в апреле 1932 г., однако выпускник не был забыт руководством ИКП — он стал одним из тех слушателей, на кого возлагали особые управленческие надежды. В списках распределения на работу выпускников за 1932 г. напротив его фамилии стоит пометка «г. Москва. Замдиректора ИКП Истории»⁶. Анализ списков профессорско-преподавательского состава ИКП позволил установить, что для его выпускников подобный быстрый карьерный путь не был редкостью: их назначение на руководящие административные посты широко практиковалось, порой карьеры складывались молниеносно⁷. Однако заместителем директора ИКП Истории по учебной части Е. А. Мильштейн пробыл недолго: после увольнения в 1933 г. директора Семена Ефимовича Сефа он какое-то время исполнял его обязанности, совмещая должность и. о. директора с преподаванием вплоть до назначения на этот пост Т. М. Дубыни в марте 1934 г. Одновременно молодой специалист Е. А. Мильштейн руководил (заведовал) кафедрой Высшей школы профессионального движения ВЦСПС (Москва) — с февраля 1930 г. по сентябрь 1933 г.⁸

В 1934 г. Е. А. Мильштейн с поста и. о. директора отраслевого ИКП был переведен в Махачкалу на должность первого секретаря горкома⁹. Каковы причины этого перевода? В чехарде административных перемещений 1930-х гг. кадры «красных профессоров» ценились достаточно высоко. По воспоминаниям выпускницы ИКП Э. Б. Генкиной, мало кто из них оставался на научной работе: «Очень

многие из окончивших ИКП в 20-е годы мечтали не о научной, а о практической работе — хозяйственной или партийной. Экономистов буквально “расхватывали” наркоматы, ВСНХ, Госплан, а аграрников — Наркомзем»¹⁰. Об этой тенденции говорил и М. Н. Покровский: «Когда молодого человека, недоделанного ученого, втянут в организационную обстановку, да еще обставят всяким аппаратом: кабинет, секретарь, автомобиль и т. д., то он часто перестает быть ученым (а он, возможно, мог быть хорошим ученым) и превращается в плохого советского работника»¹¹.

Первый секретарь Горкома в Махачкале. Впрочем, в отношении Ефима Абрамовича слова М. Н. Покровского были не вполне справедливы. Так, о его энергичности в должности первого секретаря горкома в Махачкале свидетельствует выдержка из выступления 20 ноября 1935 г. на IV пленуме Дагестанского обкома ВКП(б): «Я прошу отдельных работников горкома прочесть номер партбилета. Я вижу, что они читают так: 12-28-400. Я говорю: прочти номер полностью: 1 228 400. Я, говорит, не знаю, товарищ Мильштейн. Я из этого сделал такой вывод: нанял учительницу по русскому языку и заставил аппарат с 3 до 9 заниматься русским языком»¹².

В должности первого секретаря горкома Ефим Абрамович пробыл недолго. Как отмечалось в резолюции V Общегородской партийной конференции махачкалинской парторганизации от 25 января 1937 г., в ходе кампании по проверке партийных документов с мая 1935 по июль 1936 г. «секретарь горкома т. Мильштейн допустил целый ряд грубейших ошибок»¹³, а именно: «Им не были до конца усвоены уроки повышения большевистской бдительности и не было проявлено достаточно энергии и инициативы в разоблачении троцкистско-зиновьевского охвостья, даже после получения закрытого письма ЦК ВКП(б) о троцкистско-зиновьевском контрреволюционном террористическом центре»¹⁴. По мнению партийной организации, «ошибка товарища Мильштейна была неслучайна... он проявил недопустимое притупление бдительности в отношении контрреволюционера Лелевича, давая ему партийные поручения, сопровождая его на доклады, вплоть до доклада по поводу злодейского убийства товарища Кирова»¹⁵. Именно арест Лелевича — советского поэта Калмансона Лабора Гилелевича (бывшего сослуживца Л. Д. Троцкого), в тот момент уже находившегося в ссылке в Махачкале из-за связи с так называемой ленинградской оппозицией XIV съезда ВКП(б), — стал причиной освобождения от должности Е. А. Мильштейна. Стоит лишь удивиться смелости первого секретаря горкома, покровительствовавшего сосланному троцкисту.

31 октября 1936 г. на секретном заседании бюро Махачкалинского горкома ВКП(б) Е. А. Мильштейн решением Бюро Крайкома от 7 сентября 1936 г. был уволен с поста «как оказавшийся неспособным возглавить партийную организацию в борьбе с врагами партии»¹⁶. Несмотря на такую формулировку в статье об освобождении от должности, он не был репрессирован. Причины мягкого отношения к Мильштейну, вероятно, можно обнаружить в родственных связях: его родной брат Михаил Абрамович (Мильский) в то время был резидентом советской разведки в США¹⁷. Кроме того, Северо-Кавказский обком оказался в числе лидеров по количеству взысканий в отношении работников партийного аппарата — так, по итогам проверки партдокументов, из партии было исключено 19 секретарей райкомов (т. е. равных Мильштейну по позиции), не считая 189 других работников партии,

в том числе высшего звена¹⁸. Среди прочих Е. А. Мильштейн оказался всего лишь отставлен от партийной работы — и при этом переведен в Ленинград и назначен на должность директора Государственного музея этнографии, образованного в 1934 г. из Этнографического отдела Русского музея. По сравнению с прошлой позицией должность директора была не вполне желанной. Так, в докладной записке в Наркомпрос РСФСР с говорящим названием «Об улучшении условий работников музеев» (1938) отмечалось: «Ставки руководящего состава и научных работников даже в центральных музеях ниже аспирантских ставок; ставки директоров музеев ниже студенческих стипендий. Так, согласно тарифной сетке, директор и зам-директора в системе Наркомпроса получают от 250 до 500 рублей, аналогичные должности в системе Академии наук — от 1200 руб. до 2000, в системе Комитета по делам искусств — от 550 до 615»¹⁹. Приказ о назначении Е. А. Мильштейна директором был подписан заместителем наркома просвещения Н. К. Крупской²⁰.

Новый фронт работы: Государственный музей этнографии (1937–1941).

Назначение осенью 1937 г. на должность директора Государственного музея этнографии в Ленинграде открыло для Ефима Абрамовича Мильштейна новую и, возможно, самую главную страницу в его биографии. На этом посту он сменил арестованного по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Японии в июле 1937 г. востоковеда Н. Г. Таланова²¹. Возможным это назначение сделала специализация, полученная Е. А. Мильштейном в ИКП, — в выданном документе об образовании она значилась как «история народов СССР», хотя, безусловно, от этнографии Е. А. Мильштейн, как специалист по истории профсоюзного движения, был очень далек.

Однако на новом посту от Ефима Абрамовича Мильштейна потребовалась не столько научная квалификация, сколько прежде всего административные усилия по организации инфраструктурного пространства музея. В запрошенной новым директором справке о состоянии музея на 1938 г. отмечалось, что экспонаты пострадали от наводнения 1924 г.²² Помещения хранилищ считались временными и в дальнейшем подлежащими освобождению, а частью были вообще непригодны для хранения ценных музейных предметов ввиду их сырости и тесноты. Многие ценнейшие экспонаты приходилось хранить в свернутом виде²³, в фондах Средней Азии и Сибири многие сундуки оказались «открытыми», к ним отсутствовали ключи (см. докладные записки сотрудников А. С. Морозовой и Е. Н. Студенецкой²⁴). С момента образования отдела (1902 г.) не проводилась сплошная проверка наличия фондов, в инвентарные книги и коллекционные описи не вносились отметки о выбытии, движении и сохранности экспонатов²⁵. Первоочередной задачей для нового директора стали: наведение порядка в условиях не столь большого финансирования Наркомпроса²⁶, обеспечение сохранности вверенных ему коллекций.

Этот период жизни Ефима Абрамовича отмечен большим количеством актуальной делопроизводственной документации по самым разным вопросам. Почти вся она несет отпечаток борьбы — с бюрократией, нерасторопностью ведомств, параллелизмом и противоречивостью советских (в данном случае региональных и центральных) учреждений. Примером такой борьбы может служить конфликт 1939 г. Решением Ленсовета музею передано помещение бывшего католического храма для хранения музейных коллекций. Музей немедленно составил смету на

содержание здания и на приспособление под хранилище. Однако Наркомпрос отказал в ассигновании необходимых кредитов как на содержание этого здания, так и на его оборудование для хранения экспонатов. Между тем Ленсовет, передавая музею указанное здание, обязал его в течение одного месяца освоить здание и перебросить в него все экспонаты Исторического отдела, находящиеся в помещении Русского музея. Музей, лишенный средств, на какое-то время оказался в трудном положении, выплачивая неустойки и штрафы за неисполнение указания Ленсовета²⁷.

Ситуация с нехваткой зданий и поиском помещений для хранилищ приобретала порой сюрреалистические очертания. Так, в 1938 г., «располагая сведениями о возможном закрытии некоторых церквей в Ленинграде», Е. А. Мильштейн, в красках описывая трудности хранения коллекций, хитро просил предоставить музею для размещения коллекций Исторического отдела помещения Троицкого собора на проспекте Красных командиров, лютеранской Петропавловской церкви, Аннинской церкви, Финской церкви на ул. Желябова. Однако на эту просьбу он получил отказ — слишком многие учреждения претендовали на освободившиеся церкви, а отдельные из освобожденных церквей предполагалось снести²⁸. В числе последних был Собор Воскресения Христова на Крови, или храм Спаса на Крови, который в указанные годы служил хранилищем части экспонатов Государственного музея этнографии.

В научном архиве Российского этнографического музея сохранилось письмо Ефима Абрамовича от 9 мая 1938 г. председателю Ленсовета Петровскому. Горячо протестуя против нерациональности решения о сносе храма Спаса на Крови, Е. А. Мильштейн писал о том, что как директор «абсолютно не имеет никакой возможности освободить церковь на канале Грибоедова от находящегося там музейного оборудования»²⁹, и отмечал, что если «музею не будет предоставлено помещения и будет решен вопрос о сносе бывшей церкви на канале Грибоедова», то богатейшие коллекции окажутся выброшены на улицу³⁰. Письмо Мильштейна формально несет отпечаток своего времени: его не интересовали ни ценность архитектуры, ни духовное значение Спаса на Крови; доводы сталинского управленца были утилитарны, однако именно они, возможно, стали решающими. Церковь на канале Грибоедова не снесли.

Одним из последних предвоенных событий для Е. А. Мильштейна стала защита кандидатской диссертации на тему «Профессиональные союзы России в 1905–1907 гг.». 27 марта 1940 г. решением совета Коммунистического политико-просветительского института им. Крупской ему присуждена степень кандидата исторических наук³¹. Монография по теме диссертации была опубликована в начале 1941 г.³² Однако уже летом Е. А. Мильштейн оставил музей и ушел на Ленинградский фронт. Исполняющей обязанности директора в годы войны была А. Ф. Быховская; она наладила эвакуацию части экспонатов (бронекладовой) в Новосибирск, обеспечила сохранность оставшихся, организовала работу оставшихся в Ленинграде сотрудников. Ефим Абрамович в это время воевал на Ленинградском фронте в качестве рядового, а потом, после ранения, вызвавшего резкое ограничение подвижности в правом коленном суставе, — в качестве политрука³³. За военные подвиги он получил Орден Красной Звезды и Орден Отечественной

войны I степени³⁴, медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией»³⁵. К исполнению обязанностей директора музея он вернулся после ранения в 1944 г.

«Распоряжением СНК СССР обязать открыть экспозицию музея...» Первой задачей, которая была поставлена перед Е. А. Мильштейном после войны, стала реэвакуация фондов музея из Новосибирска, — она началась в сентябре 1945 г. Задача эта оказалась крайне непростой: в условиях мобилизации и напряжения всех сил страны был занят автомобильный и железнодорожный транспорт, не хватало рабочей силы, ограничены денежные средства и затянута процесс их получения организациями из Госбанка. Осуществиться же реэвакуация могла только силами малочисленных сотрудников Новосибирского филиала музея. Несмотря на то, что эшелон сопровождала военная охрана, а вагоны были запечатаны (экспонаты бронекладовой включали коллекции драгоценного оружия, ковровые собрания, сибирские меховые вещи, шелковую и парчовую одежду³⁶, — они уместились в восемь больших сундуков и четыре спецащика), во время стоянки в Свердловске грабители вскрыли один из вагонов и взломали два сундука; похитив пару войлочных сапог, остальные ценные вещи они оставили нетронутыми³⁷.

5 января 1946 г. Распоряжением СНК СССР директора Государственного музея этнографии Е. А. Мильштейна обязали открыть экспозицию музея к 1 декабря 1946 г. Речь при этом шла не только о разработке планов некоей экспозиции и ее открытии, но и о завершении восстановительных работ в разрушенном в годы блокады здании музея, сложных в административном (разработка и утверждение технического проекта, согласование сметы) и практическом аспектах (бомбами, снарядами и осколками повреждены кровля, остекление всех световых фонарей и оконных проемов, отмечалось отслаивание штукатурного слоя и лепных украшений)³⁸. Сделать это в такой короткий срок было практически нереально. Усугубляло ситуацию то, что подобные «мобилизационные» обязательства возлагались на большинство учреждений послевоенного Ленинграда: в городе почти невозможно оказалось найти квалифицированных рабочих, строительные материалы (например, кровельное железо), в инстанциях задерживались многочисленные бумаги на согласование. В таком же положении оказался единственный подрядчик — Строительный трест Ленинграда, связанный многочисленными обязательствами: первоочередной задачей его руководство выбрало восстановление школ в городе³⁹. Указаниями на эти административные, хозяйственные трудности пестрят многочисленные объяснительные записки Ефима Абрамовича того года. В конечном счете план по открытию музея был сорван и его выполнение перенесли на 1947 г.

Ситуация с открытием экспозиции музея осложнялась тем, что в условиях затянувшихся строительных и восстановительных работ возникли проблемы с хранением экспонатов. В документах находим высказывания сотрудников тех лет: «Вещи тащат и тащат и всего мы не знаем. Надо принимать какие-то радикальные меры. Поставить вопрос об одном милицейском poste днем» (Л. П. Потапов); «...с коллекционными вещами положение катастрофическое. Экспонаты сняты со стеллажей и лежат на сыром полу, а посторонние рабочие ходят и за всем не уследишь» (А. Я. Дисбург)⁴⁰. Однако, согласно строгой проверке 1953 г., за 1946–1948 гг. пропали лишь четыре предмета — среди них образец серебряной проволоки, серебряная пряжка от пояса, плетель с серебряным украшением

и стеклянный флакончик с серебряной пробкой⁴¹. Очевидно, что Е. А. Мильштейн был заинтересован быстрее завершить период неустройства и наладить работу музея. В 1947 г. в музее открыта экспозиция в Отделе восточных славян, в 1948 г. — в Отделах Кавказа (только этнографии грузин) и Поволжья, проведена выставка этнографических материалов по народам Прибалтики. В 1949–1950 гг. открылись Отделы Сибири и Средней Азии⁴². С этого времени музей получил возможность ведения собственно научной работы — экспедиционной, исследовательской, экспозиционной.

И именно в эти годы в Государственный музей этнографии (в августе 1948 г., после передачи коллекций Музея народов СССР в Москве, он переименован в Государственный музей этнографии народов СССР) были трудоустроены те, кого в условиях ограниченности научных ставок решил взять на работу Е. А. Мильштейн — ранее репрессированный старший научный сотрудник секции народов Сибири Лев Николаевич Гумилев⁴³ и находившийся в годы войны на оккупированной территории молодой научный сотрудник Отдела народов Средней Азии Юрий Валентинович Кнорозов⁴⁴. Сама возможность трудоустройства по специальности для них была подарком. Судьбы их сложились по-разному: Л. Н. Гумилев оказался вновь арестован 6 ноября 1949 г., Ю. В. Кнорозов сделал открытие мирового значения и опубликовал известную статью «Древняя письменность Центральной Америки»⁴⁵, доказав фонетическое чтение некоторых из иероглифов древних майя. Несмотря на то что, по словам Ю. В. Кнорозова, они занимались «черновой музейной работой без претензий» (к ней относилась систематизация Бюро В. Н. Тенишева, работа с каталогами, организация выставок, например ковровых изделий Средней Азии, включавших в том числе «просушивание и чистку ковров и войлоков, скатку их в рулоны»⁴⁶ и пр.), и он, и Лев Гумилев получили с согласия Ефима Абрамовича главное: научную ставку, зарплату и крышу над головой в здании музея. Очевидно, Е. А. Мильштейна довоенная история в Махачкале так и не научила классовый бескомпромиссности.

В чем была причина подобной «недальнозоркости»? На наш взгляд, перед Е. А. Мильштейном прежде всего стояла проблема нехватки научных кадров в послевоенном Ленинграде: многие сотрудники скончались в годы войны (блокаду из 41 оставшихся в Ленинграде пережили 8 научных работников и 6 музейных рабочих⁴⁷), в условиях поставленной Распоряжением СНК СССР от 5 января 1946 г. задачи скорейшего открытия основной экспозиции в коллективе музея почти отсутствовали специалисты по ряду крупных народов — украинцам, белорусам, народам Закавказья, Прибалтики, тюркоязычным народам Поволжья, евреям, казахам, таджикам и ряду народов Сибири⁴⁸. Вероятно, Е. А. Мильштейну это показалось достаточно весомым основанием для приема на работу не вполне удобных в идеологическом отношении специалистов. Так, общее число беспартийных в составе научных сотрудников музея на 1953 г. составляло 22 из 39⁴⁹.

Март 1953 г.: «Уволить за необеспечение сохранности...» Завершение работы Е. А. Мильштейна в музее было таким же неожиданным и соответствующим духу времени. Оно оказалось связано с реализацией Инструкции Министерства финансов, Центрального статистического управления и Министерства внутренних дел СССР от 16 сентября 1949 г. о проведении единовременной инвентаризации

драгоценных металлов и драгоценных камней на предприятиях, в учреждениях, в музеях и общественных организациях. В акты инвентаризации всех музеев были включены данные о фактическом наличии экспонатов из драгоценных металлов и камней по состоянию на 1 января 1949 г. без сверки с записями в старых инвентарных книгах. В результате такой некорректно проведенной инвентаризации в марте 1952 г. в Комитет поступили материалы из Министерства финансов о неудовлетворительном состоянии учета и хранения, недостатке 322 предметов и утрате музеем отдельных частей и деталей у 522 предметов из драгоценных металлов⁵⁰. В октябре 1952 г. в ленинградский музей была направлена комиссия, выявившая недостатки в учете и хранении материальных ценностей и занявшаяся поиском пропавших экспонатов. По итогам второй проверки, которая уже сличала сведения о «пропавших» экспонатах с инвентарными книгами, количество недостающих предметов сократилось до 43, а экспонатов с утратами драгоценного слоя — до 60⁵¹.

Интересно, что, по воспоминаниям брата Е. А. Мильштейна Михаила, проверка музея была связана с антисемитизмом конца 1940-х — начала 1950-х гг.: «Когда началась эта гнусная антисемитская кампания, к нему [Е. А.] зачастили важные комиссии, в том числе из горкома и обкома партии. И вот одна из комиссий обнаружила в запаснике музея огромную медную вазу на ножке, нечто вроде шахского умывальника. Эта ваза, без сомнения, представляла большую историческую ценность. Один из членов комиссии высказал предположение, что данное произведение искусства когда-то было инкрустировано золотом, и это золото, очевидно, было снято каким-то вредителем, разумеется, “врагом народа”. Учитывая тот факт, что директор принадлежал к лицам еврейской национальности, члены комиссии пришли к единодушному мнению, что золото с вазы без всяких сомнений было передано международной сионистской организации под названием “Джойнт”»⁵². Воспоминаниями разведчика корректируются документы проверки: согласно описи, среди пропавших и поврежденных предметов не числилось ничего похожего на описанный М. А. Мильштейном экспонат⁵³, да и проверка проводилась одновременно в 386 музеях страны. Однако беспочвенность обвинения налицо: не учитывались отсутствие сведений в старых инвентарных книгах о том, в каком состоянии поступали в музей экспонаты, частичная осыпь от ветхости (например, мелкого жемчуга), совпадение веса некоторых из порченных предметов на протяжении последних 20 лет, возможная гибель предметов вследствие разрушения здания музея от прямого попадания авиабомб в период войны и в период наводнения 1924 г., наконец, тот факт, что большинство предметов числилось утраченными до 1935 г.⁵⁴, в то время как в период директорства Е. А. Мильштейна утраченными признаны лишь четыре предмета. Несмотря на явную нелепость предъявленных обвинений, Е. А. Мильштейн до окончания полного расследования был снят с поста директора музея.

Многочисленные обращения Ефима Абрамовича в вышестоящие инстанции никакого действия не возымели. В какой-то момент его биография «замкнулась»: одно из писем он написал академику Анне Михайловне Панкратовой, поскольку она его хорошо знала по Институту Красной профессуры⁵⁵. А. М. Панкратова была известна в академических и общественных кругах как крупный историк.

Она всячески старалась помочь своему коллеге, считала всю приключившуюся с ним историю нелепой и дикой, нашла время лично обратиться с ходатайством во многие инстанции, но дело не сдвигалось с мертвой точки.

По воспоминаниям М. А. Мильштейна, ситуация разрешилась таким же нелепым способом, как и началась:

И вот однажды брат, гуляя по Ленинграду, недалеко от своей прежней работы случайно встретил бывшего научного сотрудника музея (кажется, это был потомок графа Ольденбургского). Этот сотрудник много лет (еще до Октябрьской революции) проработал в музее.

— Что с вами? — спросил он, обратив внимание на печальный вид брата. — Вы больны?

Брат подробно рассказал ему историю с вазой.

— Ба! Да ведь это же я привез вазу из Ирана. Я могу легко доказать, что на ней не было ни грамма золота.

— Но как? — с замиранием сердца воскликнул брат.

— Да я же знаю, где находится подробное описание этой вазы.

Они быстро пошли в музей: один — уверенно, другой — с сомнением и зародившейся надеждой. Действительно, нашлась подробная инвентарная запись, подтверждающая, что ваза сделана из меди, и никакого золота на ней и в помине не было. Брата восстановили в партии, но на всякий случай, «для профилактики», объявили строгий выговор (за небрежное хранение дорогих экспонатов)⁵⁶.

Вероятно, эта история также является преувеличением. Тот факт, что даже в официальной документации инвентаризация признавалась «небрежной», «проведенной неправильно», оставлял Е. А. Мильштейну шанс. Так, против него не возбуждалось, как предлагалось изначально⁵⁷, уголовное судопроизводство. Ситуация была прозрачной, однако, несмотря на ее абсурдность, на прежнюю должность Ефим Абрамович уже претендовать не мог. В одном из немногих документов этого периода, сохранившихся в Архиве РЭМ, — Приказе по Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР от 10 марта 1953 г. «О состоянии учета и хранения фондов в Государственном музее этнографии народов СССР» — приводятся обтекаемые формулировки, касающиеся недостатков системы учета экспонатов. Так, отмечалось, что «проверка наличия фондов и сличение их с записями в учетных документах затянулись», была «выявлена недостача 390 предметов из драгоценных металлов и камней». При этом на выбытие 45 предметов, а также на «утрату деталей в шестидесяти предметах» руководство музея не представило оправдательные документы; одновременно вопросы вызвало обнаружение «около 20 тысяч безномерных предметов» и тот факт, что «в инвентарных книгах остались неотмеченными 28 тысяч вещей», и т. д. (во внимание при всех прозвучавших обвинениях не принималось, что проведенная в годы директорства Е. А. Мильштейна инвентаризация стала первой с момента организации музея в 1902 г.). В числе прочего в Приказе отмечалось: «Кадры руководящих и научных работников музея по своим деловым и политическим качествам во многих случаях не соответствуют требованиям, предъявляемым к кадрам идеологических учреждений»⁵⁸. Итогом стало освобождение Е. А. Мильштейна от должности директора как «не обеспечившего руководство музеем

и главным образом в части постановки дела учета и хранения музейных фондов» особым приказом Председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР⁵⁹.

Однако без работы Е. А. Мильштейн не остался. В п. 4 цитируемого Приказа Ленинградский городской отдел культпросветработы обязали «использовать т. Мильштейна на работе в культпросветучреждениях г. Ленинграда»⁶⁰. И с 1 апреля 1953 г. Е. А. Мильштейн был зачислен старшим редактором Отдела каталогов Публичной библиотеки им. В. И. Ленина; в сфере его ответственности среди прочего оказалось составление систематического каталога по этнографии. В 1954 г. Мильштейн перешел в группу социально-экономической литературы Справочно-библиографического отдела. Его очевидные организаторские способности и качественное исполнение обязанностей на любом месте, где бы он ни оказался, не остались незамеченными и на новом библиографическом поприще. С марта 1955 г. Мильштейн утвержден главным библиографом и стал руководителем группы социально-экономической литературы, оставаясь на этой должности до выхода на пенсию в 1969 г. Он составил указатель по этнографии народов СССР, подготовил материалы для создания фундаментального библиографического указателя, который хронологически продолжал работу Д. К. Зеленина. Ефим Абрамович создал множество библиографических списков на текущие политические темы, ответил не менее чем на 150 письменных запросов читателей. Не оставил он и науку — печатался в газетах и журналах, в числе которых «Советская этнография», «История пролетариата», «Правда», «Ленинский путь» и др.⁶¹ Скончался Е. А. Мильштейн в 1989 г. в статусе пенсионера союзного значения⁶².

Таким образом, реконструированный этап биографии одного из сталинских управленцев позволяет не только охарактеризовать сложный период отечественной истории — 1929 по 1953 г. — с точки зрения функционирования политической системы, но и обнаружить личностный, индивидуальный план его осмысления. Жизненный путь сталинского управленца, начавшего карьеру в Институте красной профессуры, далеко не всегда был связан с «классовой непримиримостью» и доносами. В чехарде административных перемещений, оказываясь в незнакомых и тяжелых условиях, воспринимая каждое рабочее место как новый «фронт», функционеры порой показывали чудеса управленческих усилий; наконец, они так же легко сминались (сменялись) системой, как и легко возводились на высокие должностные позиции. Переживание (проживание) «больших исторических событий» партийным функционером, вписанным в советскую программу и практику управления наукой, представляет самостоятельный интерес как для истории науки, так и для биографии советской эпохи.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, № 16-31-01079, а2.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.Р-5284. Оп. 1. Д. 575. Л. 1–8.

² Там же. Л. 9.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Ф.Р-5143. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁷ Там же. Ф.Р-7668. Оп. 1. Д. 2401.

- ⁸ Архив Российского этнографического музея (далее — Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 138. Л. 4 об.
- ⁹ ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- ¹⁰ *Генкина Э. Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки: историографический ежегодник. 1981 / отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1985. С. 270.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 1011. Л. 286–287.
- ¹³ Там же. Д. 1095. Л. 205.
- ¹⁴ Там же. Л. 9.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Д. 1107.
- ¹⁷ *Мильштейн М. А.* Сквозь годы войн и нищеты. М., 2000. URL: <https://www.libfox.ru/463259-26-mihail-milshteyn-skvoz-gody-voyn-i-nishchety.html#book> (дата обращения: 22.04.2017).
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 34. Л. 114.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2442. Л. 58.
- ²⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 643. Л. 3.
- ²¹ Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003.
- ²² Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 643. Л. 1.
- ²³ Там же. Д. 645. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Д. 644. Л. 2, 7.
- ²⁵ Там же. Д. 1126. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Д. 643. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ Там же. Д. 645. Л. 2, 4.
- ²⁹ Там же. Л. 7–7 об.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 11108.
- ³² Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 863. Л. 2 об., 4.
- ³³ Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой отечественной войне, 1941–1945. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=80299067&tab=navDetailManAward>; <http://podvignaroda.ru/?id=1516738762&tab=navDetailManUbil> (дата обращения: 22.04.2017).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 645. Л. 5.
- ³⁶ См. об этом: *Ратникова А. В., Сорокина Г. Г.* «Особая кладовая» в Государственном музее этнографии // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 86–96.
- ³⁷ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 774. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Д. 938. Л. 5, 7.
- ³⁹ Там же. Л. 17–18.
- ⁴⁰ Там же. Л. 18.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 2477. Л. 147.
- ⁴² Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 957. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 36.
- ⁴⁴ Там же. Д. 93.
- ⁴⁵ *Кнорозов Ю. В.* Древняя письменность Центральной Америки // Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118.
- ⁴⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1044. Л. 61.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 863. Л. 4.
- ⁴⁸ Там же. Д. 936. Л. 6.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 578. Л. 60–61.
- ⁵⁰ Там же. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 2477. Л. 98, 134. — Таким же образом экспонатов «не досчитались» и в других музеях; всего проверено было 32 республиканских музея и 354 местных (Там же. Ф. 411. Оп. 3. Д. 1508. Л. 3).

- ⁵¹ Там же. Ф. 411. Оп. 3. Д. 1508. Л. 98–99.
- ⁵² Мильштейн М. А. Сквозь годы войн и нищеты.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 411. Оп. 3. Д. 1508. Л. 145–148.
- ⁵⁴ Там же. Л. 98–99, 147.
- ⁵⁵ Архив Российской академии наук. Ф. 687. Оп. 3. Д. 388.
- ⁵⁶ Мильштейн М. А. Сквозь годы войн и нищеты.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 411. Оп. 3. Д. 1508. Л. 99.
- ⁵⁸ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1.
- ⁵⁹ Там же. Л. 4.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь: электронная версия. Т. 1–4. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/photos.php (дата обращения: 22.04.2017).
- ⁶² Некролог: Ефим Абрамович Мильштейн // Ленинградская правда. 1989. 22 июля.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Долгова Е. А. О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 912–924. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.408>
УДК 94(47).084

Аннотация: В статье на материалах Государственного архива Российской Федерации, Научного архива Российского этнографического музея, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Российской академии наук реконструируется этап биографии одного из сталинских управленцев — Ефима Абрамовича Мильштейна (1902–1989). В разные годы он был слушателем Института красной профессуры (1929–1932), заместителем директора и исполняющим обязанности директора ИКП Истории (1932–1934), первым секретарем Горкома ВПК(б) в г. Махачкала (1934–1936), директором Государственного музея этнографии (1937–1941, 1944–1953), старшим редактором Отдела каталогов (1953–1955), руководителем группы социально-экономической литературы (1955–1969) Государственной публичной библиотеки и, наконец, пенсионером союзного значения (1969–1989). Биография Е. А. Мильштейна, одного из сталинских управленцев, схематично похожа на судьбы других представителей партийной элиты в 1930–1940-е гг., но вместе с тем демонстрирует специфику его личного отклика на лозунги эпохи, что позволяет не только охарактеризовать сложный период отечественной истории 1929 по 1953 г. с точки зрения функционирования политической системы, но и обнаружить личностный, индивидуальный план его осмысления. Жизненный путь сталинского управленца далеко не всегда был связан с «классовой непримиримостью» и доносами; в чехарде административных перемещений, оказываясь в незнакомых и тяжелых условиях, воспринимая каждое рабочее место как новый «фронт», они порой показывали чудеса управленческих усилий. Переживание (проживание) «больших исторических событий» партийным функционером, вписанным в советскую программу и практику управления наукой, представляет самостоятельный интерес как для истории науки, так и для истории советской эпохи.

Ключевые слова: мобилизация, администрирование науки, красные профессора, биографика, номенклатура, карьера, функционеры, репрессии, ротация кадров, административные перемещения.

Сведения об авторе: Долгова Е. А. — канд. ист. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия); dolgova-evg@rambler.ru

FOR CITATION

Dolgova E. A. 'One Biography of the Stalinist Manager: Efim Abramovich Milstein', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018, pp. 912–924. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.408> (In Russian)

Abstract: Using materials from the State Archive of the Russian Federation, the Scientific Archive of the Russian Ethnographic Museum, the Russian State Archive of Socio-Political History, the Archive of the Russian Academy of Sciences, this article reconstructs part of the biography of one “Stalinist” manager, Yefim Abramovich Milstein (1902–1989). Over time he was a student at the Institute of Red Professors (1929–1932) and then its deputy director and acting director (1932–1934), first secretary of the party committee in Makhachkala (1934–1936), director of the State Museum of Ethnography (1937–1941, 1944–1953), senior editor of the Division of Catalogs (1953–1955), head of the socio-economic literature group of the State Public Library (1955–1969), and, finally, a pensioner of significance (1969–1989). The restored biography of this “Stalinist manager” makes it possible not only to characterize this difficult period of Russian history—from 1929 to 1953—through the eyes of a functionary of the political system, but also to find a personal, individual plan for its reading. The biography of E. A. Milstein was schematically similar to the fate of other representatives of the party elite in the 1930s and 1940s, yet it demonstrated the specifics of his personal response to this difficult period of Russian history.

Keywords: Institute of Red Professors, State Museum of Ethnography, E. A. Milstein, Administration of science.

The research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project N 16-31-01079, a2.

Author: *Dolgova E. A.* — Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); dolgova-evg@rambler.ru

References:

- Biobibliograficheskij slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period (1917–1991)*, Ed. Vasilkov Ya. V., Sorokina M. Yu. (St. Petersburg, 2003).
- Genkina E. B. ‘Vospominaniya ob IKP’, *Istorija i istoriki: istoriograficheskij ezhegodnik. 1981* (Moscow, 1985).
- Knorozov Yu. V. ‘Drevnjaja pismennost' Centralnoj Ameriki’, *Sovetskaja etnografija*, no. 3, 1952.
- Milstein M. A. *Skvoz gody vojn i nishhety* (Moscow, 2000).
- ‘Nekrolog: Efim Abramovich Milshtejn’, *Leningradskaya Pravda*, 1989, 22 July.
- Ratnikova A. V., Sorokina G. G. ‘“Osobaja kladovaja” v Gosudarstvennom muzee etnografii’, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, 1993.
- Rossijskij etnograficheskij muzej. 1902–2002* (St. Petersburg, 2001).